

УДК 001.18; 001.38; 101.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-119-136

СОЦИАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И ГРАНИЦЫ НАУКИ

Троепольский А. Н.

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

236016, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Конституирование науки в широком смысле как средства сохранения христианских ценностей, необходимого для успешного противостояния человечества современным социальным вызовам.

Процедуры и методы. Дан анализ кантовской концепции теоретической метафизики, показано, что она затрудняет сохранение христианских ценностей, представлена концепция науки в широком смысле как средство сохранения христианских ценностей. В исследовании использована логико-семиотическая методология и некоторые выводы из работ Е. К. Войшвилло для конституирования математики, логики и метафизики в статус науки как частей науки в широком смысле.

Результаты. Обоснована правомерность концепции науки в широком смысле. Описан механизм противостояния современного сообщества людей социальным вызовам.

Теоретическая и/или практическая значимость. Разработана новая парадигма познавательного отношения человека к миру. В случае использования научно-культурными элитами в просветительской деятельности концепции науки в широком смысле им рекомендовано учесть определённые обстоятельства, влияющие на формирование у людей нерелигиозного либо религиозного мировоззрения.

Ключевые слова: социальная энтропия, христианские ценности, логико-семиотическая методология, знание и вера, наука в широком смысле, теоретическая светская метафизика, теоретическая религиозная метафизика

SOCIAL THREATS AND THE LIMITS OF SCIENCE

A. Troepolsky

Immanuel Kant Baltic Federal University

14, A. Nevsky ul., Kaliningrad, 236016, Russian Federation

Abstract.

Aim. The aim of the article is to constitute science in a broad sense as a means of preserving Christian values necessary for successful confrontation of mankind with modern social challenges.

Methodology. The study of Kant's concept of theoretical metaphysics proved that it hinders preservation of Christian values. The research methodology includes logic-semiotic methodology and some findings from the works of E. K. Voischwillo allowing to attribute the status of the parts of science in the broadest sense to mathematics, logic and metaphysics.

Results. The legitimacy of the concept of science in a broad sense is justified. The mechanism of confronting the modern community of people with social challenges is described.

Research implications. A new paradigm of human cognitive attitude to the world has been developed. If scientific and cultural elites use the concept of science in a broad sense in educational activities, they are advised to take into account certain circumstances that affect the formation of a non-religious or religious worldviews among people.

Keywords: social entropy, Christian values, logical-semiotic methodology, knowledge and faith, science in the broadest sense, theoretical secular metaphysics, theoretical religious metaphysics

Введение

Настоящая статья является продолжением исследования «Кант и логико-философская реабилитация вероятности онтологического существования Бога» [9], где показана некорректность тезиса Канта о существовании Бога в идее и обоснована правомерность допущения вероятности Его онтологического существования, что снова возвращает метафизику из сферы практического разума в границы теоретического разума. Однако данная публикация не в состоянии снять «проклятие», которое наложил на теоретическую метафизику Кант, лишив её статуса науки.

Понятно, что для восстановления познавательного авторитета теоретической метафизики необходимо конституировать её в статус науки и показать эффективность этой науки в решении остро актуальных практических задач в жизнедеятельности современного человечества, что и будет сделано в этой работе.

Социальные угрозы и христианские ценности

Нет необходимости убеждать читателя, в том, что просвещённые люди всех континентов, перешагнувшие из XX в XXI в., начали явно осознавать природные и социальные угрозы существованию человечества в планетарном масштабе. В частности, со стороны природы эти угрозы наиболее заметно обозначились в связи с изменениями климата, а со стороны социума – кризисными явлениями в экономике, политике, морально-нравственном самочувствии человеческого сообщества.

В настоящей статье рассмотрим главные угрозы, исходящие из состояния современного социума, и наметим путь их существенного ослабления, что в дальнейшем несомненно будет способствовать снижению угроз человечеству и со стороны природы.

В эпоху глобализма самой глубинной причиной кризисных явлений в экономике, политике и морально-нравственном самочувствии человечества является нарастание тенденции игнорирования людьми традиционных христианских ценностей.

Современное общество функционирует в условиях рыночной экономики как общество потребления. Главная ценность – свобода, в которой по умолчанию стали подразумевать игнорирование всех ограничений на пути достижения людьми высших стандартов материальной жизни, в т. ч. и игнорирование исходных христианских заповедей: не лги, не укради, не убий и др. Конечно, с одной стороны, нужно признать, что без рыночной экономики, раскрепощающей производственную инициативу людей, нельзя достигнуть высоких стандартов их материального благополучия, а, с другой стороны, отказ человечества от христианских морально-нравственных ценностей угрожает привести каждого отдельного человека в состояние бездуховного существа, поступки которого иницируются преимущественно эгоистическими побуждениями. В результате в обществе может существенно вырасти *социальная энтропия*, т. е. его хаотическое состояние, что таит в себе опасность потери человечеством способности самоуправления. В первую очередь, это ведёт к возникновению и росту уличных протестов граждан с применением физического насилия против сотрудников правоохранительных органов, в результате чего ослабляется и может полностью исчезнуть институт государства – естественный регулятор нормальной жизнедеятельности людей, который легитимно обладает монополией на физическое насилие.

В дальнейшем игнорирование христианских ценностей может запустить социальный механизм регрессивной *ментальной эволюции человека*, т. е. процесс расчеловечивания самого человека.

Траекторию этой возможной эволюции можно описать как путь превращения человека разумного (*Homo sapiens*), альтруистичного и великодушного в хитроумное, эгоистичное животное, озабоченное исключительно удовлетворением своих психосоматических потребностей.

На первом лицемерно-лукавом этапе этой эволюции у человека лгущего, ворующего и способного на физическое насилие притупляются угрызения совести и чувство стыда за свои низменные поступки. Такой человек недоволен собой не потому, что ему стыдно, а потому, что о его низменном поступке узнают другие. Но у него ещё сохраняется осознание необходимости играть роль порядочного человека, т. к. он понимает, что большинство людей регулирует своё поведение чувством совести и стыда и общественное сознание осуждает акты лжи, воровства и физического насилия. Однако следует иметь в виду, что увеличение в обществе социальной энтропии означает рост числа лгущих, ворующих и способных на физическое насилие людей. И когда распространение социальной энтропии достигнет критической величины, то общественное сознание перестанет осуждать акты лжи, воровства и физического насилия.

Не исключено, что наступит финишный, циничный этап регрессивной эволюции человека. Люди снимут маску порядочности на пути удовлетворения своих простых психосоматических потребностей, забудут о высоких общественных интересах, и человечество окажется на грани самоуничтожения.

Хочется верить, что описанный нарратив регрессивной эволюции человека никогда не реализуется, но в современном мире вероятность этого всё же существует.

Итак, представлены две реальные угрозы современному человечеству, исходящие от состояния социума, но этим они не исчерпываются. Отдельного анализа требуют социальные вызовы, исходящие из принципа абсолютизации свободы, такие как деформация традиционных гендерных отношений и крушение института семьи. Не подлежит сомнению, что они порож-

даются в социуме, где игнорируются традиционные христианские морально-нравственные ценности.

Блокировать эти социальные вызовы можно лишь при осознании современными научно-культурными элитами необходимости сохранения в головах большинства людей христианских морально-нравственных ценностей.

Но как сохранить эти ценности, если школьной скамьи человек выходит с убеждением, что современная наука доказала, что Бога нет. Так ли это? Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо подвергнуть анализу наиболее резонансные концепции соотношения науки и философии в истории философии Нового времени. И именно такая концепция содержится в критической философии Канта.

Критический анализ философии науки Канта. Методология исследования. Пройденный путь

Умами большинства современных высокообразованных людей овладела критическая философия Канта – вывод Канта об ущербности онтологических доказательств существования бытия Божия, дискредитация теоретической метафизики в статусе науки, потому что в ней отсутствует реальная предметная область, что в ней можно доказывать как тезисы, так и антитезисы относительно сущностей, выходящих за границы возможного опыта, что в метафизике нельзя опереться на верный критерий истинности её синтетических положений [9].

Из этих выводов Канта следовала необходимость гносеологизации философии, т. е. упразднение онтологии как раздела философии и принятие существования Бога лишь в статусе идеи, т. е. признание Его существования только в сфере сознания субъекта познания, что позволяло идеологам посткантовской эпохи объявить религиозные учения архаическими представлениями человечества, т. е. пережитками прошлого.

Справедливости ради нужно отметить, что сам Кант рассматривает перенос во-

проса о существовании Бога в сферу практического разума как путь, который подрезает корни атеизму¹. Однако возникает вопрос: как можно укрепить религию, лишая Бога онтологического существования? Без допущения вероятности онтологического существования Бога невозможно укрепить религию.

И здесь возможна очень неопределённая познавательная ситуация. Даже если полностью согласиться с данными выводами, это вовсе не означает, что возможен только выбор веры в Бога, ведь вероятностный статус онтологического существования Бога допускает как веру в существование Бога (теистическое мировоззрение), так и веру в Его несуществование (атеистическое мировоззрение).

Отметим, что вплоть до возникновения критической философии Канта просвещённые люди приписывали метафизике высокий познавательный статус, т. е. считали её наукой всех наук, в которой центральное место занимали различные варианты онтологического доказательства существования Бога. Однако следует согласиться, что Кант убедительно показал невозможность онтологического доказательства бытия Божия. Ведь исходя из определений доказательств, принимаемых в современной логике и теории аргументации, с этим трудно не согласиться. Но это не отменяет того, что утверждение об онтологическом существовании Бога имеет вероятностный характер и, следовательно, в философии существует возможность допущения его истинности.

Как отмечает Е. К. Войшвилло, наиболее распространённой формой аргументации в науках и в повседневной жизни является подтверждение, и степень его может оказаться настолько высокой, что теория практически будет считаться достоверной [3]. И все же, согласно российскому философу, подтверждение лишь повышает степень вероятности того, что подтверждаемое утверждение истинно, однако оно

никогда не достигает 1 как своего предела, приписываемого доказательству.

Е. К. Войшвилло на основе анализа применения гипотетико-дедуктивного метода в естествознании показывает, что все законы физики с теоретической т. зр. всегда гипотетичны, для них не существует строгих доказательств, т. к. вероятность, равная 1, может иметь место лишь в логике. Понятно, что данные аспекты теории аргументации открывают возможность конституирования теоретической метафизики в статус науки.

Мы уже отмечали, что Кант лишил метафизику статуса науки. Таким образом, он существенно понизил познавательный статус метафизики.

Однако новейшая история философии обнаруживает тренд реабилитации познавательного статуса метафизики [4; 5; 6; 8; 16]. Всё это делает актуальным исследование проблемы конституирования метафизики в статус науки.

Это конституирование частично осуществлено в работах: «Метафизика, философия, теология, или сумма оснований духовности» [10], в которой изложена версия метафизики (философии) в первом приближении, проведена граница между физическими и метафизическими объектами, между *знанием и верой*; «Проблема научности философии» [11], где системно представлена онтологическая проблематика метафизики (философии), отклонены все общие аргументы Канта против возможности положительной метафизики в статусе науки; «Проблема научности философии» (Часть II: Теория познания) [12], где основной акцент сделан на гносеологической проблематике метафизики (философии); «Общая логика как практическая» [13], в которой в базисную часть общей логики введено обобщённое понятие логического следования на основе синтеза понятий дедуктивного и индуктивного следования, что расширяет сферу логического анализа в описании познавательного статуса систематической философии; в статье «История противостояния формальной и диалектической логики в отечественной

¹ Кант И. Предисловие ко второму изданию «Критики чистого разума» // Кант И. Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 98.

философии» [15] отклонена та часть диалектической логики, которая претендовала на квалификацию суждений вида $A \wedge \neg A$ в качестве истинных, что позволило более ясно изложить систематическую философию в статусе науки.

В настоящей статье при изложении концепции сохранения традиционных христианских ценностей автор опирается на вышеуказанные исследования.

Наука в широком смысле. Кантовские критерии научности теории

Будем конституировать науку в широком смысле через включение в неё в качестве частей естествознания, математики, логики и метафизики, а в самой метафизике на основе реабилитации вероятности онтологического существования Бога [9], найдём рациональные аргументы, укрепляющие стремление людей жить в согласии с христианскими морально-нравственными ценностями. Конституирование науки в широком смысле достигается через демонстрацию выполнения в метафизике кантовских критериев научности теории на основе предварительной проверки статуса научности математики и логики, поскольку эти дисциплины во многом являлись для Канта образцами при решении вопроса о научности теорий. Так как Кант признавал научный статус естествознания¹, и мы солидарны с ним в этом, то без анализа включим естествознание в качестве части науки в широком смысле.

Согласно Канту, научная теория должна удовлетворять следующим критериям:

- 1) она должна иметь непустую предметную область;
- 2) в ней не должны доказываться тезисы и антитезисы, т. е. она должна быть непротиворечивой;
- 3) она должна расширять познание и в ней должен существовать верный критерий и общее «мерило» необхо-

димой истинности суждений, расширяющих познание.

Итак, начнём анализ с рассмотрения методологических установок Канта на решение проблемы научности различных теорий.

Исходные принципы философии науки Канта и познавательный статус математики

Как известно, Кант различает схематизирование и символизирование понятий: «Представить чистое рассудочное понятие как мыслимое в связи с предметом возможного опыта – значит придать ему объективную реальность и вообще изобразить его. Там, где этого нельзя сделать, понятие пусто, т. е. вовсе не годится для познания. Это действие называется схематизмом, если объективная реальность сообщается понятию прямо (*direkte*) через соответствующие ему созерцания, т. е. если понятие изображается непосредственно; если же понятие нельзя изобразить непосредственно, а можно изобразить только в его последствиях (*indirecte*), то это действие можно назвать символизированием понятия. Первое имеет место в отношении понятий чувственно воспринимаемого мира, второе есть необходимое вспомогательное средство для понятий о сверхчувственном, которые собственно, не могут быть изображены, или даны в каком-либо возможном опыте...»².

Отсюда следует, что, согласно Канту, объёмы понятий рассудка и разума являются непустыми в двух случаях:

- 1) если предметы, входящие в объём понятия фиксируются чувствами в возможном опыте;
- 2) если понятия можно конструировать, ведь «конструировать понятие – это значит показать *a priori* соответствующее ему созерцание»³.

¹ Кант И. Предисловие ко второму изданию «Критики чистого разума» // Кант И. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 85.

² Кант И. О вопросе предложенном на премию ...// Кант И. Собрание сочинений в 6 т. Т.6. М.:Мысль, 1966. С. 202–203.

³ Кант И. Критика чистого разума. Собрание сочинений в 6 т. Т.3. М.: Мысль, 1964. С. 600.

В работе «Проблема научности философии» [11, с. 117] показано, что конструирование натуральных чисел «1», «2», «3», «4» и т. д. в виде последовательности чувственно фиксируемых штрихов |, ||, |||, |||| и т. д. является чисто условным и произвольным, ибо это конструирование можно выполнить в виде последовательности треугольников Δ , $\Delta\Delta$, $\Delta\Delta\Delta$, кругов O , OO , OOO , $OOOO$ и других наглядных геометрических фигур. Это позволяет заключить, что последовательности штрихов, кругов и других фигур есть не сами числа «1», «2», «3», «4», а их символы, а сами эти числа есть сверхчувственные, т. е. метафизические сущности. В итоге следует заключить, что при конструировании понятий математики осуществляется акт символизирования, а не акт схематизирования, и то, что сама математика на самом деле есть некая точная метафизика, т. к. её базовая часть – теория натуральных чисел – имеет предметную область, состоящую из метафизических сущностей и разворачивается по точным правилам, зафиксированным в индуктивном определении натурального числа.

Тем не менее, в современной философии математики вопрос о предметной области математики остаётся актуальным. Некоторые философы считают математику наукой, а другие – всего лишь универсальным языком науки. При этом неявно подразумевается, что язык математики не имеет прямого отношения к описанию действительности, т. е. его знаки не обладают значением.

Характеристика математики как универсального языка науки, не имеющего прямого отношения к описанию действительности, также уходит своими корнями в философию науки Канта. Немецкий философ требовал от любой науки расширения познания. Согласно Канту в математике на основе возможности конструирования её понятий обеспечивается необходимая истинность её синтетических суждений, расширяющих познание. Видимо, на этом основании учёный был склонен приписать математике статус науки. Однако вполне вероятно, он осознавал, что базовые сущности (предметы) ма-

тематики – натуральные числа – не могут фиксироваться органами чувств человека и, следовательно, являются метафизическими объектами, а т. к. метафизика (согласно его теории) в границах теоретического разума в статусе науки невозможна, то Кант молчаливо оставил открытым вопрос о предметной области математики, что позволило некоторым философам посткантовской эпохи объявить математику специфическим универсальным языком.

На наш взгляд, объявление математики языком с вышеописанным статусом не выдерживает критики. Любой язык есть система знаков, а в структуре знаков с позиций семиотики как исходной методологической дисциплины выделяют имена, их смыслы и значения. При этом в семиотике постулируется, что смысл имени однозначно определяет его значение. Понятно, что математика, трактуемая как язык, есть система знаков, в структурах которых также необходимо различать имена, их смыслы и значения. Это означает, что в базовом разделе математики – теории натуральных чисел – должны различаться имена, смыслы и значения отдельных натуральных чисел. Как показал Е. К. Войшвилло [2; 3] имена представляют в языке понятия. Развивая этот подход, отметим, что в теории понятия принято разделять основное и полное содержание понятия и его непустой и пустой объём. При проецировании структуры понятия на структуру языкового знака мы обнаружим, что смыслы простых имён задаются в языке описательными именами и выражают основные содержания понятий, которые выделяют в мире классы предметов, представляющих объёмы понятий. Применительно к различению в философии объекта и субъекта познания это означает, что имена и их смыслы, равно как и основные содержания понятий, существуют в статусе мыслей познающего мир человека и, следовательно, находятся в сфере субъекта познания, а значения имен, равно как и объёмы понятий, находятся в сфере объекта познания и представляют предметные области различных наук.

Всё сказанное относится к языку математики вообще и к языку теории натуральных чисел в частности, где, например, имени «7» можно через явное определение приписать смысл и тем самым выделить в мире его значение в виде некоторой метафизической сущности, которая существует вне смысла (мысли), релевантной имени «7». Выше мы показали, что согласно методологии Канта, её можно конструировать в виде последовательности штрихов. С позиций теории понятия это означает, что «понятие 7» имеет непустой объём. Очевидно, что данное заключение имеет место относительно всех элементов последовательности натуральных чисел.

Это обстоятельство позволяет установить однозначное соответствие между последовательностью натуральных чисел как метафизических сущностей и последовательностью объектов иной природы и таким образом перенести количественные характеристики на физические объекты и в целом на объекты любой природы, что тем самым обеспечивает эффективность применения математики в изучении различных областей действительности. Невольно вспоминается широко известное высказывание математика-интуциониста Л. Кронекера «Бог создал целые натуральные числа, а всё остальное (*видимо, их конструирование* – А. Т.) есть дело рук человеческих».

Напрашивается вывод, что математика имеет свою предметную область, она есть наука со своим языком.

Теперь рассмотрим вопрос о непротиворечивости математики. Известно, что Кант не сомневался в непротиворечивости математики. Математика его времени существовала в виде неформализованных теорий, т. е. в виде теорий, изложенных на чисто содержательном уровне и учёные математики, его современники, были вполне убеждены относительно непротиворечивости своих рассуждений при доказательствах математических теорем даже в тех случаях, когда на этом пути возникали определённые трудности. Однако с возникновением формальной, т. е. форма-

лизованной арифметики и обнаружением в ней парадокса Б. Рассела и далее с обнаружением трудностей в системе Рассела и Уайтхеда, возникла необходимость прямого доказательства непротиворечивости формальной арифметики.

Как известно, такую попытку предпринял Д. Гильберт, который дал точное изложение формальной арифметики на семантическом и синтаксическом уровнях, т. е. построил её в виде логико-математического исчисления с тем, чтобы в своей метаматематике дать прямое доказательство непротиворечивости формальной арифметики. Но эта попытка оказалась неудачной в связи с доказательством в 1930 г. К. Гёделем теоремы о неполноте формальной арифметики и следовавшей из неё второй теоремы, утверждавшей невозможность доказательства непротиворечивости формальной арифметики средствами самой формальной арифметики при допущении, что сама арифметика непротиворечива [7, с. 188–189].

Однако описанная ситуация не является основанием для отказа математике статуса научности. Во-первых, вторая теорема К. Гёделя не утверждает противоречивость арифметики. Во-вторых, и после теоремы Гёделя математика продвигалась по пути обоснования её непротиворечивости:

- Г. Генцен, П. С. Новиков, Аккерман и К. Шютте¹ для доказательства непротиворечивости классической арифметики успешно применили метод математической индукции по конструктивным трансфинитным числам.
- Гёдель (1932–1933 гг.) показал непротиворечивость классической арифметики относительно интуционистской арифметики.
- П. С. Новиков установил (1959 г.) непротиворечивость ограниченной арифметики без аксиомы полной математической индукции.
- Была использована ультраинтуционистская концепция в основаниях

¹ Гастев Ю., Шмаин И. Метатеория // Философская энциклопедия : в 5 т. Т. 3М.: Советская Энциклопедия, 1964. С. 400–402.

математики с использованием весьма строгих критериев убедительности для доказательства непротиворечивости аксиоматической теории множеств (1960 г.).\

- Современная неформальная математика, как и математика эпохи Канта, демонстрирует свою непротиворечивость при доказательствах конкретных содержательных теорем.

Математики успешно обходят содержательные противоречия в своих доказательствах. Более того, как показал Л. Виттгенштейн в полемике против «скрытых противоречий» в математике, у математиков всегда есть возможность при обнаружении противоречий изменить исходные принципы логики и математики и таким образом на определенном этапе развития математической теории устранить обнаруженные противоречия [1].

Рассмотрим теперь выполнение третьего условия научности математики: её способность расширять познание и иметь верный критерий и общее «мерило» обоснования необходимой истинности её суждений.

В прикладной математике о расширении познания свидетельствует появление новых разделов математики, доказательство новых глубинных математических гипотез, например: доказательство теоремы Ферма английским и американским математиком Эндрю Уайлсом (1994 г.); доказательство гипотезы Пуанкаре российским математиком Григорием Перельманом (2002–2003 гг.). Соответственно, примером расширения познания в формальной математике, на наш взгляд, являются сами теоремы Гёделя о свойствах формальных аксиоматических систем. Равным образом обстоит дело и с наличием как в прикладной, так и в формальной математике верных (общезначимых) критериев доказательства математических теорем. Ведь строгость доказательства всех известных теорем математики признана всеми высококвалифицированными экспертами в области математики.

Тем не менее, в философии математики имеет смысл рассмотреть вопрос о наличии в математике информации в статусе знания и веры. Ведь как мы отметили выше, следует признать справедливость утверждения профессора Е. К. Войшвилло о том, что строгие доказательства имеют место лишь в логике, из чего следует, что они отсутствуют в математике. Во избежание противоречия этого заключения с констатацией наличия в математике строгих доказательств нужно признать, что в математике, как и в опытном естествознании есть лучше и хуже обоснованные утверждения, более или менее убедительные рассуждения.

Очевидно, что при таком подходе строгие доказательства математики следует понимать как утверждения, вероятность которых практически приближается к 1, однако необходимо также признать, что в ней существуют утверждения и с более низкой степенью вероятности. Тогда первые можно рассматривать как строгие доказательства, содержащие информацию в статусе знания, а вторые – как утверждения в статусе веры.

Понятно, что для математики и философии представляет интерес вопрос распределения конкретных утверждений математики по этим двум классам. Но поскольку научная теория может содержать утверждения как в статусе знания, так и в статусе веры, то напрашивается итоговый вывод: *математика является наукой.*

Логика с позиций кантовских критериев научности теории

Следует отметить, что слово «логика» употребляется в языке познания омонимическим способом. Так, Кант в своих трудах конституировал трансцендентальную логику, Гегель – диалектическую логику, Аристотель и стоики – формальную логику. Трансцендентальную логику Канта, диалектическую логику Гегеля и современную диалектическую логику следует относить к специфическим методам философского анализа мышления [13, с. 37–39].

В связи с этим их нужно бы называть трансцендентальной и соответственно диалектической методологией мышления, а не логиками. При этом из современной диалектической методологии (логике по старому названию) следует исключить описание диалектического противоречия в виде истинного конъюнктивного суждения типа $A \wedge \neg A$ [15, с. 14].

Описанная ситуация показывает, что логиками в собственном смысле слова во времена жизни Канта были адаптированные к преподаванию в европейских университетах аристотелевская силлогистика и логическое учение мегаро-стоической школы, кратко – логика стоиков. При этом Кант считал, что логика является полностью содержательно завершённой дисциплиной и не имеет никаких стимулов дальнейшего расширения своего содержания. В предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» он сообщает читателю, что «логика» кажется наукой вполне законченной и завершённой, что «она есть наука, обстоятельно излагающая и строго доказывающая одни только формальные правила всякого мышления», что её границы точно определены¹.

Но отсюда следует, что логика не удовлетворяет третьему кантовскому критерию научности теории – расширять познание.

С позиций современности следует сказать, что немецкий философ в этом вопросе ошибался. Сегодня мы знаем, что границы логики существенно раздвинулись: из логического учения стоиков выросла логика высказываний, из аристотелевской силлогистики – логика предикатов. И далее возникли интуиционистская логика, системы модальной, многозначной, релевантной логики и другие логики. И нужно отметить, что процесс образования новых логик продолжается. Данная ситуация свидетельствует о том, что логическое познание перманентно расширяется.

Кант считал логику наукой. Однако с учётом сложности выяснения непрото-

речивости современной формальной математики, её неполноты, неразрешимости всё же следует проанализировать с метаматематических позиций на этот предмет базовую часть современной (математической, символической) логики – логику высказываний и первопорядковую логику предикатов. При этом нужно иметь в виду, что в современной формальной логике, как и в формальной арифметике, различается семантический и синтаксический уровни анализа. На синтаксическом уровне логика строится как исчисление, относительно которого выясняется его (не)противоречивость, (не)полнота и (не)разрешимость. Относительно этих свойств в базовой части современной логики получены следующие результаты: логика высказываний (пропозициональная логика) является непротиворечивой, полной и разрешимой теорией, а первопорядковая логика (теория квантификации), которая является расширением логики высказываний, характеризуется как непротиворечивая, полная, но неразрешимая теория.

Опишем эти результаты с предельно общей философской позиции. Под непротиворечивостью теории будем понимать невозможность доказательства в ней утверждений вида $A, \neg A$, под полнотой теории – доказуемость в ней любого истинного утверждения, а под разрешимостью теории – наличие в ней единой (общей) эффективной процедуры (алгоритма) установления истинности её утверждений. При этом под утверждением мы понимаем формулу логической теории или её содержательное прочтение в естественном языке, соответственно под истинными утверждениями логической теории – тождественно-истинные формулы теории или их содержательные прочтения, т. е. их прочтения при замене всех входящих в них логических и нелогических выражений, словами естественного языка.

Встаёт вопрос: как интерпретировать свойства непротиворечивости, полноты и разрешимости логической теории с позиции проекции на них второго и третьего кантовских критериев научности теории?

¹ Кант И. Предисловие ко второму изданию «Критики чистого разума» // Кант И. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 82–83.

Непротиворечивость логики высказываний говорит о выполнении в ней второго кантовского критерия научности теории, её полнота (всякая тождественно-истинная формула доказуема) – о том, что в ней выполняется вторая часть третьего кантовского условия научности теории – иметь верный критерий обоснования необходимой истинности её суждений, её разрешимость (существование единого алгоритма распознания свойства тождественной – истинности для её произвольной формулы) говорит о выполнении в логике высказываний третьей части третьего кантовского критерия научности теории, – наличия в ней общего «мерила» истинности её суждений.

С учётом некоторых нюансов то же самое можно сказать о первопорядковой логике (теории квантификации). Известно, что логика предикатов является непротиворечивой, полной, но неразрешимой теорией. Это значит, что в первопорядковой логике предикатов также выполняется второй кантовский критерий научности теории, и вторая часть третьего кантовского условия научности теории – существование верного критерия обоснования необходимой истинности её суждений. Некоторые нюансы имеют место в связи с неразрешимостью логики предикатов вообще и первопорядковой логики предикатов в частности. Но здесь следует иметь в виду, что хотя в первопорядковой логике предикатов отсутствует единый алгоритм выяснения тождественно-истинных формул, однако установлено, что для отдельных классов формул этой теории он существует. В частности, он существует для логики одноместных предикатов, в которой формализуется аристотелевская силлогистика. Это значит, что в формализованной силлогистике Аристотеля выполняется и третья часть третьего кантовского критерия научности теории – существование в ней общего «мерила» истинности её суждений.

Также нужно учесть следующее обстоятельство. Говоря об отсутствии верного критерия необходимой истинности синтетических суждений в метафизике, Кант

имел в виду, что в ней отсутствуют строгие доказательства истинности этих суждений. Это значит, что наличие в теории строгих доказательств её суждений является индикатором наличия в ней верного критерия научности теории. И поскольку в силу теоремы Геделя о полноте логики предикатов первого порядка её законы строго доказаны, то следует заключить, что в логике предикатов первого порядка имеется верный критерий научности теории. Более того, для первопорядковой логики предикатов это в высшей степени справедливо, т. к. согласно анализу профессора Е. К. Войшвилло, только в логике (имеются в виду непротиворечивые и полные логические исчисления) вероятность обоснования истинности её утверждений равна 1. И, следовательно, только в логике субъект познания в полной мере имеет дело со строгими доказательствами. Об этом убедительно говорит формулировка понятия «доказательство» как вывода из пустого множества посылок (допущений) в натуральных системах логических исчислений. Наличие строгих доказательств только в логике также показывает, что в ней субъект познания имеет дело исключительно с информацией в статусе знания.

С философско-методологической точки зрения важно отметить следующее: т. к. логика одноместных предикатов выросла из силлогистики, а логика высказываний – из логики сложных суждений мегаро-стоической школы, то следует заключить, что выполнение второй и третьей части третьего кантовского критерия научности теории в современном минимальном логическом базисе (формализованная силлогистика и логика высказываний) создаёт уверенность в том, что эти критерии справедливы и для логики эпохи Канта, т. е. для силлогистики и логики сложных суждений, изложенных в естественном языке.

В заключение анализа логики на предмет научности её как дисциплины рассмотрим вопрос о её предметной области, т. е. вопрос о выполнении в логике первого кантовского критерия научности теории – непустоте предметной области. Для

квалифицированного решения этого вопроса рассмотрим классическую логику высказываний и логику предикатов с позиции логической семантики. Конкретно имеется в виду двузначная логика высказываний и первопорядковая логика предикатов. Глубинным понятием этих логик является понятие «высказывание», под которым в метаязыке понимают повествовательное предложение, рассматриваемое в качестве имени истины, либо лжи. И поскольку в формальной логике правильность (логичность) рассуждения зависит от логической формы рассуждения, а не от его конкретного содержания, то при построении классической логики высказываний и классической логики предикатов значение «и» (истина) и значение «л» (ложь) приписывают формулам, которые в символическом языке представляют логические формы простых либо сложных высказываний. Таким образом, предметной областью современной классической логики является двухэлементное множество {и,л}. Классическая логика имеет непустую предметную область, следовательно, в ней выполняется первый кантовский критерий научности теории. В итоге можно заключить, что логика является наукой, т. к. в ней выполняются все три кантовских критерия научности теории.

С позиций философии науки представляет интерес вопрос о природе языковых выражений «и», «л». Эти выражения являются физическими объектами, т. к. они фиксируются органами чувств субъекта познания. Однако понятно, что субъект познания в данном случае интересуется не конфигурацией линий, составляющий образ «и», «л», а объектами, на которые указывают «и», «л», и поэтому рассматривает «и», «л» как знаки некоторых других объектов, где «и» – «истина», а «л» – «ложь». Эти слова выражают в языке понятия. Основное содержание понятия «истина» представляет описательное имя «соответствие того, что утверждается в высказывании, выражающим суждение, положению дел в самом мире», а основное содержание

понятия «ложь» – «несоответствие этого положению дел в мире».

Таким образом, понятия «истина» и «ложь» выделяют в мире такие объекты (предметы) как соответствие и несоответствие. Эти объекты субъект познания фиксирует не органами чувств, а умом. Следовательно, они являются метафизическими сущностями, и потому логике вслед за математикой следует квалифицировать как науку о метафизических сущностях.

При этом чувственно фиксируемые физические языковые конфигурации «и» и «л» необходимо рассматривать как результаты конструирования метафизических сущностей соответствие и несоответствие. Аналогично тому, как в математике, например, число «4» можно конструировать в виде штрихов, треугольников и других фигур, так и в логике конструирование соответствия и несоответствия можно осуществить другими знаками.

Всем, изучавшим символическую логику, известна практика, когда формулам вместо знака «и» математики и логики приписывают знак «1», а вместо знака «л» – знак «0».

Выше были квалифицированы объекты соответствие и несоответствие как метафизические сущности. Однако нужно иметь в виду, что субъект познания может высказываться как о чувственно фиксируемых, так и чувственно нефиксируемых объектах. Так, признавая истинность суждения «Этот дом высокий», субъект познания неявно констатирует соответствие того, что утверждается в суждении положению дел в чувственно фиксируемом мире. Следовательно, в данном случае объект соответствие мыслится как физико-метафизическая сущность. Иначе обстоит дело в случае актов рефлексии, т. е. когда субъект познания развертывает свою мысль о мысли. Например, это имеет место в случае признания истинности суждения «Эта мысль является интересной». В данном случае объект соответствие мыслится как чисто метафизическая сущность. В конечном счёте мы все же приняли квалификацию объектов соответствие и несоот-

ветствие в качестве метафизических, т. к. в них возможная компонента чувственной фиксируемости нейтрализуется тем, что сама процедура установления соответствия либо несоответствия фиксируется умом, а не чувствами человека.

Конституирование теоретической метафизики в статус науки

Перейдём к решению главной задачи нашего исследования – конституированию метафизики (философии) в статус науки, что позволит всем людям и прежде всего христианам через авторитет науки укрепить веру в онтологическое существование Бога и тем самым в своём поведении руководствоваться христианскими морально-нравственными императивами.

Это конституирование удобно начать с выполнения в метафизике второго кантовского критерия научности теории – невозможности доказательства в ней тезисов и антитезисов, т. е. с возможности избежать в ней противоречий.

Согласно Канту, традиционная догматическая метафизика противоречива. Проанализируем эту позицию на примере трансцендентальной космологии. «Здесь мы видим удивительнейшее явление человеческого разума, не имеющее ничего подобного этому ни в каком другом применении разума. Когда мы, как это обычно случается, мыслим себе явления чувственно воспринимаемого мира как вещи сами по себе, когда мы считаем принципы их связи не значимыми только для опыта, а общезначимыми для вещей самих по себе..., то неожиданно обнаруживается противоречие, не устранимое обычным догматическим путём, так как и тезис, и антитезис можно доказать одинаково ясными и неопровержимыми доказательствами»¹.

В работе «Проблема научности философии» [11, с. 120–121] отклоняется второй аргумент Канта против возможности теоретической метафизики в статусе науки на

основе анализа кантовского обоснования истинности суждения А: «Мир имеет начало (границу) во времени», которое входит в качестве первой части тезиса математической антиномии I.

Антиномия I.

Тезис: Мир имеет начало (границу) во времени и пространстве.

Антитезис: Мир во времени и пространстве бесконечен.

В анализе показывается, что Кант делает попытку провести доказательства тезисов и антитезисов математических антиномий методом рассуждения от противного по схеме:

если из Γ , $\Gamma A \vee B$, и из Γ , $\Gamma A \neg B$, то из ΓA ,
где:

Γ – множество (возможно, пустое) посылок,

« \vdash » есть знак логической выводимости одних высказываний из других,

« \neg » – знак классического отрицания.

На основе анализа содержательного рассуждения Канта по обоснованию суждения А – «Мир имеет начало (границу) во времени» – мы установили, что это рассуждение Канта лишь по видимости укладывается в схему рассуждения от противного.

На самом деле это рассуждение описывается схемой:

если из Γ , $\Gamma A \vee C$ и из Γ , $\Gamma A \neg B$, то из ΓA .

Но эта схема показывает, что из посылок Γ , ΓA не выведено противоречие B и $\neg B$. Следовательно, суждение А: «Мир имеет начало (границу) во времени» не доказано. Нетрудно увидеть, что тезис математической антиномии I «Мир имеет начало (границу) во времени и пространстве» есть сокращённое выражение сложного конъюнктивного суждения «Мир имеет начало (границу) во времени и мир имеет начало (границу) в пространстве». Если первое простое суждение этой конъюнкции не доказано, то следует считать не доказанным и весь тезис.

Нетрудно также показать недоказанность антитезиса данной антиномии, т. е.

¹ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизики... // Кант И. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4(1). М.: Мысль, 1965. С. 161.

суждения «Мир во времени и пространстве бесконечен» по схеме рассуждения от противного.

Так при доказательстве первой части этого антитезиса, суждения А: «Мир бесконечен во времени» мы должны допустить в качестве \neg А: «Мир конечен во времени». Но из него невыводимо противоречие В и \neg В. Ведь в этом случае мир в настоящем находится между конечным прошлым и конечным будущим.

Но недоказанность суждения «Мир бесконечен во времени» означает недоказанность и всего антитезиса, который в развернутом виде представляет сложное конъюнктивное суждение «Мир бесконечен во времени и мир бесконечен в пространстве». Таким образом, мы с использованием искусственного символического языка для точного выражения мыслей на примере трансцендентальной космологии показали недоказанность тезиса и антитезиса математической антиномии I. И этой демонстрации достаточно для отклонения второго аргумента Канта о невозможности положительной теоретической метафизики в статусе науки, т. к. здесь вариант рассмотрения формализованной метафизики исключается в силу принципиальной неформализуемости метафизики.

Теперь рассмотрим вопрос о выполнении первого кантовского критерия научности теорий (научная теория должна иметь непустую предметную область) относительно метафизики. Хотя метафизика принципиально не формализуема, т. к. в ней отсутствуют специфические метафизические термины, допускающие точное и однозначное определение, аналогичное тому, как точно и однозначно определяются в логике пропозициональные связки и кванторы, тем не менее некоторые результаты, полученные в процессе описания свойств логического исчисления, можно по аналогии использовать в качестве эвристики для анализа содержательных нелогических теорий, в т. ч. и при анализе метафизики.

Несомненно, что формализованные теории являются образцами научности для

неформализованных содержательных теорий. Здесь имеется в виду теорема логики предикатов первого порядка о наличии модели¹: любое непротиворечивое множество формул произвольной сигнатуры Σ имеет модель. В простом понимании под моделью в логике предикатов подразумевается множество объектов с определёнными на нём свойствами и отношениями.

Сделаем акцент на словосочетании «множество объектов» и перекинем мостик аналогии от формальных систем к анализу понятий. Рассмотрим понятия «квадрат», «круглый квадрат», «лошадь», «крылатая лошадь», «лошадь, которая имеет и не имеет крылья»:

- очевидно, что понятие «квадрат» имеет непротиворечивое содержание и его промысливание снабжается моделью, т. е. образным изображением этой геометрической фигуры;
- понятие «круглый квадрат» имеет противоречивое содержание и его промысливание не сопровождается образным изображением;
- понятие «лошадь» мыслится непротиворечиво и снабжается чувственной картинкой лошади в сознании человека, либо наблюдением реальных лошадей;
- понятие «крылатая лошадь» мыслится непротиворечиво, и хотя крылатые лошади реально не существуют их все же можно изображать на картинках и не исключено, что в будущем на основе механизма эволюции при определённых условиях, могут появиться крылатые лошади;
- в случае понятия «лошадь, которая имеет и не имеет крылья», мы констатируем, что это понятие противоречиво и не сопровождается образной картинкой.

Описанная аналогия подсказывает заключение, что непротиворечивая мыслимость сущности является необходимым условием её онтологического существования.

¹ Теорема о существовании модели // Википедия [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теорема_о_существовании_модели (дата обращения: 06.09.2020).

Переходя к теоретической метафизике, можно утверждать, что условие мыслимой непротиворечивости метафизической сущности обеспечивает вероятность её онтологического существования, а условие её противоречивой мыслимости указывает на её онтологическое несуществование. Об этом свидетельствует теорема объектного языка логики предикатов $\exists \chi (P(\chi) \wedge \neg P(\chi))$, которая имеет прочтение: неверно, что существует объект такой, что он обладает и не обладает свойством P . Философская интерпретация: противоречиво – мыслимые объекты не существуют.

И если теперь снова учесть, что строгие доказательства имеют место лишь в логике, а в других науках все утверждения имеют более-менее вероятностный статус, то теоретическую метафизику следует признать наукой.

Таким образом, мы возвращаем теоретической метафизике статус познавательной дисциплины и наделяем её авторитетом науки. При этом видно, что ядро теоретической метафизики составляет ответ на вопрос о (не)существовании метафизических сущностей. Это ядро мы называем экзистенциальной метафизикой. Она является частью экзистологии – науки о существовании вещей [11, с. 131–171]. В ней мы описали процедуру критериального доказательства существования метафизических сущностей в статусе знания и в статусе веры. При этом в критерий онтологического существования метафизических сущностей в статусе знания мы включили дополнительное условие их интерсубъективной мыслимости, а в критерий их онтологического существования в статусе веры – условие их объективной мыслимости.

В данном подходе мы осуществили попытку закрепления на дискурсивном уровне (на уровне понятий) вполне предсказуемого на интуитивном уровне факта: при социологическом опросе достаточно большого количества людей об онтологическом существовании сущности государства и сущности Бог, число признаний онтологического существования государства окажется больше, чем число признаний онтологического существования Бога.

Можно с уверенностью сказать, что в соответствии с методикой различения строгих доказательств и подтверждений в обосновании истинности суждений, описанных Е. К. Войшвилло, вероятность признания людьми онтологического существования государства будет приближаться к 1, и в данном случае в суждении «Государство онтологически существует» информация имеет статус знания, а во втором случае, т. е. в суждении «Бог имеет онтологическое существование» – статус веры.

Однако сегодня мы осознаем, что объяснение факта существования государства в статусе знания [11, с. 166–167;] недостаточно убедительно. Дело заключается в том, что более детальный анализ сущности государства обнаруживает, что эта сущность имеет физико-метафизическую природу. Её создали люди в процессе своего социального развития по схеме: в своде законов (конституции) создаётся основа государства в виде *метафизической решётки*, ячейки, которой описывают функционалы всех служебных должностей, необходимых для регулирования жизнедеятельности общества. Это описание удовлетворяет условию непротиворечивости, фиксируется умом субъекта познания и составляет метафизическую компоненту государства. Далее ячейки метафизической решетки государства через определённые процедуры (выборы, назначения) мысленно заполняются конкретными людьми, которые фиксируются органами чувств субъекта познания и потому составляют физическую компоненту государства. В итоге в сознании всех людей государство ассоциируется с совокупностью людей, облечённых определёнными полномочиями, и его внешнее (онтологическое) существование почти ни у кого не вызывает сомнения.

В сухом остатке мы имеем: предметная область метафизики не пуста, т. е. в ней выполняется первый кантовский критерий научности теории.

В заключение анализа статуса теоретической метафизики рассмотрим выполнение третьего кантовского критерия научности теории: наличие верного критерия и

общего «мерила» обоснования истинности её синтетических суждений, расширяющих познание на примере суждения «Все вещи в себе существуют».

Несомненно, что это суждение мыслится субъектом познания в границах теоретического разума, т. е. принадлежит теоретической метафизике. Согласно Канту, вещи в себе – это сущности, которые аффицируют чувственность человека и вызывают в его сознании образы явлений. Таким образом, можно сказать, что предикат «существуют» не содержится в субъекте данного суждения «вещи в себе», и на этой основе заключить, что данное суждение является синтетическим и как таковое – расширяет познание. К этому нужно ещё добавить очевидность непротиворечивой мыслимости вещей в себе и то, что было отклонено утверждение Канта о том, что «существование не может быть предикатом вещи» [11, с. 137–138]. Согласно немецкому философу, «рассудок, допуская явления, тем самым признаёт и существование вещей в себе; и в этом смысле мы можем сказать, что представления о таких сущностях, лежащих в основе явлений, стало быть, о чисто умопостигаемых сущностях не только допустимо, но и неизбежно»¹.

Здесь важно обратить внимание на то, что учёный рассуждает о вещи в себе во множественном числе, что проливает свет на предметное поле теоретической метафизики. Это позволяет включить в предметное поле теоретической метафизики как части науки в широком смысле такие объекты как числа, (не)соответствия, метафизическую решетку сущности «государство» и в целом все метафизические сущности, открываемые отдельными науками, а также метафизическую сущность «Бог». В предметное поле теоретической метафизики нужно включить метафизические сущности, называемые Кантом «ноуменами» [11, с. 110–111].

Таким образом, Кант подтверждает, что теоретическая метафизика имеет непустую

предметную область в виде метафизических сущностей – вещей в себе и ноуменов, которые имеют внешнее, т. е. онтологическое существование; что в ней существуют необходимо истинные суждения, расширяющие познание, общее «мерило» признания необходимой истинности некоторых её суждений.

Итак, мы показали, что все априорные части, входящие в науку в широком смысле – математика, логика и метафизика – являются научными теориями.

Следует различать светскую метафизику с её сущностями типа *causa sui* и религиозную метафизику с метафизической сущностью Бог, которая также является сущностью *causa sui*. При этом приоритетное значение необходимо отдать религиозной метафизике с её базовой сущностью Бог. Ведь только признание вероятности онтологического существования Бога даёт человеку полное понимание мира, т. е. объясняет не только происхождение физического мира, самого человека и человеческого сообщества, но и раскрывает человеку самый оптимистический смысл его жизни.

Важно различать философское понятие Бог и конфессиональные понятия о Боге в процессе формирования глубокой религиозной веры. Полагаем, что вера человека в онтологическое существование конфессионального Бога будет более глубокой, если она возникает на основе концепции науки в широком смысле, в которой имеют в виду философское понятие Бога с его атрибутами вечности, всемогущества, всеведения, вездесущности и атрибутами морально-нравственного совершенства. Именно поэтому протоирей Серафим Слободской в книге «Закон Божий» в разделе «Свойства Божии» констатирует наличие всех указанных свойств у Христианского Бога, т. е. у всех Лиц Святой Троицы: Бога-отца, Бога-сына (Иисуса Христа) и Бога духа – святого².

¹ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизики... // Кант И. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4 (1). М.: Мысль, 1965. С. 134.

² Закон Божий. Составил протоирей Серафим Слободской. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2007. С. 19–22.

Познавательный статус теоретической религиозной метафизики

Наш подход обнаруживает, что для признания вероятности онтологического существования метафизического Бога достаточно показать, что между выделенными свойствами метафизического Бога отсутствуют противоречия, т. к. в раскрытии содержания указанных свойств можно избежать противоречий. Следовательно, с высокой степенью вероятности можно утверждать онтологическое (внешнее) существование метафизического Бога.

Равным образом обстоит дело с обоснованием непротиворечивости христианского конфессионального Бога – Святой Троицы. В работе «Гетерогенные объекты и логика их описания» [14, с. 189–197] представлено непротиворечивое описание Святой Троицы и с высокой долей вероятности обосновано её онтологическое, т. е. внешнее по отношению к человеку, существование.

Особым статусом онтологического существования обладает Иисус Христос как лицо Святой Троицы. Иисус Христос, как и все люди, является физико-метафизической сущностью. Он является Исторической Личностью, но в отличие от обычных людей обладает свойствами метафизического Бога, которые позволяют Ему спасти или не спасти обычных людей как в их земной, так и неземной жизни. Максимально большое число верующих в Святую Троицу и в Иисуса Христа – гарантия надёжного сохранения христианских морально-нравственных ценностей в современном социуме.

Итак, мы завершили конституирование науки в широком смысле и в её структуре – конституирование метафизики в статус науки.

Важно иметь в виду, что естествознание подтверждает необходимость конституирования науки в широком смысле. Так, теория большого взрыва объясняет процесс перехода от одного состояния физического бытия к другому (от состояния сингулярности к расширяющейся вселенной),

но не объясняет происхождения самого физического бытия, что достижимо лишь в концепции науки в широком смысле.

Всё изложенное подсказывает современному сообществу людей следующий механизм его противостояния социальным вызовам: в средней и высшей школах на постоянной основе, а также через средства массовой информации и Интернет необходимо популярно излагать концепцию науки в широком смысле. Это со временем позволит значительно увеличить число людей, руководствующихся в своём поведении христианскими морально-нравственными ценностями, и тем самым снизить социальную энтропию до уровня, который обеспечит благополучную жизнедеятельность людей.

Заключение

Научно-культурные элиты, осуществляющие просветительскую деятельность должны иметь в виду следующие обстоятельства: всех людей можно условно разделить на воцерквлённых верующих, на невоцерквлённых верующих, признающих онтологическое существование Бога и на неверующих (атеистов). Вышеописанная просветительская деятельность не будет лишней для воцерквлённых верующих, усилит веру невоцерквлённых верующих и по меньшей мере ослабит воинственный настрой атеистов.

Жизненный опыт подсказывает, что формирование нерелигиозного умонстроения у людей определяется как уровнем их интеллектуального развития, так и соотношением в их сознании духовных ценностей и материальных потребностей. Поэтому в реальной жизни не исключается ситуация, когда удовлетворение материальных потребностей блокирует голос разума о существовании Бога. Тем более что в современном человеческом сообществе укрепились предрассудки.

1. *Вера в Бога возникает у людей с низким уровнем интеллектуального развития.* Этот предрассудок сформировался на основе практической эффективности опытных наук и закрепился в культуре в

виде сциентистского умонастроения под влиянием критической философии Канта. Надеемся, что описанная выше концепция науки в широком смысле ликвидирует этот предрассудок.

2. *Возвращение к религиозному мировоззрению недопустимо, потому что оно возвращает человечество в жестокую эпоху Средневековья.* Такое возвращение невозможно, потому что сегодня во всех развитых цивилизациях церковь отделена от государства, и вера в Бога является частным делом каждого человека, что соответствует (имеется ввиду христианство) евангелическому учению о свободе человека в определении своих мнений и поступков.

Евангелие сообщает, что нужно человеку для спасения и каково должно быть его поведение в земной жизни, чтобы обрести спасение, что ожидает человека в случае исполнения и неисполнения Божественных Заповедей, однако Оно предоставляет человеку свободу как в вы-

боре нарратива осмысления своей земной жизни, так и в выборе своих поступков. В этих условиях попытка государства карать христиан – своих граждан за все грехи, которые описаны в Евангелие, через наказания, предусмотренные юридическими законами, будет рассматриваться самими верующими как принуждение, практически сводящее к нулю, свободу воли, дарованную им Богом. Поэтому включение в государственные программы учебных курсов философии науки в широком смысле и популяризация этой философии через все средства массовой информации не таит в себе угрозы превращения современных светских государств в теократические государства, но высоко поднимет авторитет христианских морально-нравственных ценностей со всеми положительными последствиями для жизнедеятельности всего человечества.

Статья поступила в редакцию 14.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виттгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 133 с.
2. Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления. М.: Издательство МГУ, 1989. 239 с.
3. Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика. М.: Владос-Пресс, 2001. 528 с.
4. Дэвидсон Д. Метод истины в метафизике // Аналитическая философия: становление и развитие : антология / под общ. ред. А. Ф. Грязнова. М., 1998. С. 343–359.
5. Захаров В. Д. Метафизика в науках о природе // Вопросы философии. 1999. № 3. С. 97–111.
6. Патнэм Х. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие : антология. М., 1998. С. 466–491.
7. Столл Р. Множества. Логика. Аксиоматические теории. М.: Просвещение, 1968. 231 с.
8. Страуд Б. Аналитическая философия и метафизика // Грязнов А. Ф. Аналитическая философия: становление и развитие : антология. М., 1998. С. 510–525.
9. Троепольский А. Н. Кант и логико-философская реабилитация вероятности онтологического существования Бога // Материалы одиннадцатых Смирновских чтений по логике / отв. ред. В. И. Маркин. М.: Современные тетради, 2019. С. 124–126.
10. Троепольский А. Н. Метафизика, философия, теология, или сумма оснований духовности. М., 1996. 176 с.
11. Троепольский А. Н. Проблема научности философии. М., Брянск, 2007. 198 с.
12. Троепольский А. Н. Проблема научности философии. Часть II. Теория познания. М., Брянск, 2008. 112 с.
13. Троепольский А. Н. Общая логика как практическая. Брянск: Ладомир, 2015. 214 с.
14. Троепольский А. Н. Гетерогенные объекты и логика их описания // Проблема научности философии. М., Брянск, 2012. С. 189–197.
15. Троепольский А. Н. История противостояния формальной и диалектической логики в отечественной философии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 6. С. 7–15.
16. Тростников В. Н. Научна ли «научная картина мира»? // Новый мир. 1989. № 12. С. 257–263.

REFERENCES

1. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskii traktat* [Treatise on Logic and Philosophy]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1958. 133 p.
2. Voishwillo E. K. *Ponyatie kak forma myshleniya* [Concept as a Form of Thinking]. Moscow, Moscow State University Publ., 1989. 239 p.
3. Voishwillo E. K., Degtyarev M. G. *Logika* [Logics]. Moscow, Vldos-Press Publ., 2001. 528 p.
4. Davidson D. [Method of Truth in Metaphysics]. In: *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analytical Philosophy: Formation and Development]. Moscow, 1998, pp. 343–359.
5. Zakharov V. D. [Metaphysics in Sciences]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1999, no. 3, pp. 97–111.
6. Putnam H. [Realism with a Human Face]. In: *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analytical Philosophy: Formation and Development]. Moscow, 1998, pp. 466–491.
7. Stoll R. *Mnozhestva. Logika. Aksiomaticheskie teorii* [Sets, Logics and Axiomatic Theories]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 231 p.
8. Stroud B. [Analytical Philosophy and Metaphysics]. *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analytical Philosophy: Formation and Development]. Moscow, 1998, pp. 510–525
9. Troepolsky A. N. [Kant and logical-philosophical rehabilitation of probability of God's ontological existence]. In: Markin V. I., ed. *Materialy odinnadtsatykh Smirnovskikh chtenii po logike* [Proceedings of the eleventh Smirnov Readings on Logic]. Moscow, Sovremennyye tetrady Publ., 2019, pp. 124–126.
10. Troepolsky A. N. *Metafizika, filosofiya, teologiya, ili summa osnovanii dukhovnosti* [Metaphysics, Philosophy, Theology, or the Sum Of the Foundations of Spirituality]. Moscow, 1996. 176 p.
11. Troepolsky A. N. *Problema nauchnosti filosofii* [The Problem of Scientific Nature of Philosophy]. Moscow, Bryansk, 2007. 198 p.
12. Troepolsky A. N. *Problema nauchnosti filosofii. Chast II. Teoriya poznaniya* [The Problem of Scientific Nature of Philosophy. Part II. Theory of Knowledge]. Moscow, Bryansk, 2008. 112 p.
13. Troepolsky A. N. *Obshchaya logika kak prakticheskaya* [General Logic as Practical Logic]. Bryansk, Ladamir Publ., 2015. 214 p.
14. Troepolsky A. N. [Heterogeneous Objects and the Logic of Their Description]. In: *Problema nauchnosti filosofii* [The Problem of Scientific Nature of Philosophy]. Moscow, Bryansk, 2012, pp. 189–197.
15. Troepolsky A. N. [The history of opposition between formal and dialectical logic in Russian philosophy]. In: *Vestnik Baltiiskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant], 2013, no. 6, pp. 7–15.
16. Trostnikov V. N. [Is the «scientific picture of the world» scientific?]. In: *Novyi mir*, 1989, no. 12, pp. 257–263.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Троепольский Аркадий Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор-консультант Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта;
e-mail: troepark@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arkady N. Troepolsky – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof.-Consult., Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University;
e-mail: troepark@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Троепольский А. Н. Социальные угрозы и границы науки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 119–136.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-119-136

FOR CITATION

Troepolsky A. N. Social Threats and the Limits of Science. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 119–136.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-119-136